

Роговская А.Г.

Реализация фаустовского архетипа в образе А.С. Грибоедова в романе Ю.Н. Тынянова "Смерть Вазир-Мухтара"

*Роговская Александра Георгиевна, аспирант кафедры русской и мировой литературы
Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, г. Харьков, Украина*

Received November 12, 2013; Accepted November 28, 2013

Аннотация. Статья является попыткой выявления и раскрытия особенностей реализации фаустовских мифологем в образе А.С. Грибоедова на материале романа Ю.Н. Тынянова "Смерть Вазир-Мухтара" (1928). Трагедия И.В. Гёте "Фауст" – универсальное произведение, в центре которого – вечные проблемы взаимоотношения человека и мира, добра и зла, жизни и смерти, преступления и наказания, границ познания человеком мира. Трагедия не утрачивает своей актуальности на протяжении нескольких веков, а её главный герой стал самым знаменитым персонажем эпохи Реформации, вечным образом (архетипом) мировой культуры. Фауст – противоречивый, двойственный образ, символ неизбывного стремления человека к познанию. В русской литературе XX века фаустовский сюжет положил начало традиции эксплуатации архетипа – "русской фаустиане". В романе Ю.Н. Тынянова "Смерть Вазир-Мухтара" образ российского чиновника и поэта А.С. Грибоедова является носителем архетипа Фауста, причём есть основания полагать, что и реальное историческое лицо Грибоедов, прототип образа, обладал качествами, присущими фаустовской душе (по О. Шпенглеру). А.С. Грибоедов, будучи младшим современником И.В. Гёте, был знаком с его произведениями, знал трагедию "Фауст" наизусть, его перу принадлежит вольный перевод "Пролога в театре", а между "Горем от ума" и "Фаустом" прослеживаются интертекстуальные связи. Одиночество, склонность к рефлексии, разочарование в прежних идеалах, утопический, по сути, деятельный порыв к улучшению жизни людей роднят Вазир-Мухтара с доктором Фаустом. В тексте романа Тынянова наблюдаются аллюзии на трагедию Гёте. Образ Грибоедова многогранен, он не сводится к калькированию одного-единственного вечного фаустовского образа; его парадокс состоит в том, что, будучи полномочным посланником Российской империи, он, тем не менее, являлся носителем западной ментальности, фаустовской души, и резкое столкновение с Востоком несло для него неминуемую гибель, являющуюся в то же время его спасением от самого себя.

Ключевые слова: образ, архетип, исторический роман, интертекст, фаустовская душа.

Характерной чертой современного литературоведения является изучение литературы в контексте взаимодействия различных культур, эпох, а также отдельных художественных произведений. Особый интерес представляет изучение интертекстуальных связей с теми памятниками мировой литературы, которые содержат попытки решения вечных философских проблем, и в силу насыщенности архетипическими смыслами никогда не утрачивают актуальности. К числу этих уникальных, неизбежно востребованных произведений относится трагедия И.В. Гёте "Фауст". Доктор Фауст, персонаж немецких народных легенд, пьесы К. Марло и неоконченной пьесы Г.Э. Лессинга получил статус вечного образа лишь после явления в трагедии Гёте. Текст пьесы был разобран на цитаты, ставшие самостоятельными афоризмами. Фаустовский архетип как схема образа учёного, одержимого страстью к познанию, искателя смысла человеческой жизни актуализировался в шедеврах мировой художественной литературы авторами последующих поколений. Не стала исключением и русская литература XX в., где фаустовский сюжет положил начало традиции, названной Г.Г. Ишимбаевой "русской фаустианой".

Теме фаустианских мотивов в литературе вообще и в русской литературе XX в. в частности посвящено немало научных работ. Среди них отдельные издания: Жирмунский В.М. "Гёте в мировой литературе" (1981); Данилевский Р.Ю. "Русская литература и Гёте: исследования 1980-х годов" (1987); Ишимбаева Г.Г. "Фаустианская тема в немецкой литературе: учеб. пособие" (1996), "Проблемы фаустианства в Германии" (1997), "Русская фаустиана XX века: учеб. пособие" (2002), "Страницы русской фаустианы XIX века: учеб. пособие" (2005); Кочанова Е.Г. "Из истории фаустианы: культурологический очерк" (2003); Якушева Г.В. "Фауст и Мефистофель вчера и сегодня" (1998), "Фа-

уст в искушениях XX века" (2005). Интертекстуальные связи произведений русской литературы с трагедией Гёте становятся предметом диссертационных исследований: Нямцу А.Е. (1985); Романова А.Н. (1999); Шор Г.А. (2009), Васин Н.С. (2012) и др. Проблема присутствия фаустианских мотивов в русской исторической прозе затронута И.В. Макрушиной на материале романов М. Алданова в её монографии "Романы Марка Алданова: философия истории и поэтика" (2004).

Цель исследования состоит в выявлении и раскрытии особенностей реализации фаустовских мифологем в образе А.С. Грибоедова.

Материалом исследования служит исторический роман Ю.Н. Тынянова "Смерть Вазир-Мухтара". Методологической основой исследования является совокупность методов и подходов, учитывающих возможности интерпретации текста, интертекстуального анализа текстов произведений Ю.Н. Тынянова и И.В. Гёте, элементов метода психоанализа К. Юнга и рецептивного метода.

Роман Ю.Н. Тынянова "Смерть Вазир-Мухтара", написанный в 1928 г., стал попыткой изобразить истинного Грибоедова, ведь, по словам автора, всё, что было написано об Александре Сергеевиче историками литературы, было совсем не похоже на то, что писал он сам [4]. Роман был встречен современной автору критикой неоднозначно, во многом из-за необъективности критиков, находившихся во власти идеологии, довлевшей над всеми сферами жизни советского общества. Однако, не только из-за неё, ведь и в последующие годы произведение получало различные оценки. Многие литераторы, вне зависимости от их общего отношения к роману, "не узнавали" в тыняновском персонаже Грибоедова: "Грибоедов замечателен, хотя я и не ожидал встретить его

таким. Но вы показали его так убедительно, что, должно быть, он таким и был. А если и не был – теперь будет" (М. Горький) [2, с. 458]; у А.И. Солженицына возникает предположение, что "Тынянов писал, смутным намёком, о себе" [3, с. 192]. Действительно, есть основания говорить и об автобиографической составляющей образа А.С. Грибоедова, т.к. сам Ю. Тынянов в 1927 писал В. Шкловскому в связи с гонениями советского правительства на формалистов: "Горе от ума у нас уже имеется. Смею это сказать о нас, о трех-четырех людях. Не хватает только кавычек, и в них все дело. Я, кажется, обойдусь без кавычек и поеду прямо в Персию". Поистине, тыняновский Грибоедов изображён весьма достоверно (при том, что авторы предисловий к комедии "Горе от ума" сходятся во мнении, что трудно восстановить духовный облик Грибоедова), а Юрий Николаевич как писатель имел право на свою собственную интерпретацию личности автора одной комедии для создания полнокровного, реалистичного образа. В романе мало говорится о "Горе", центральным сюжетом повествования является дипломатическая деятельность Грибоедова, и Тынянов высвечивает соответствующие смысловые грани образа, изображая Грибоедова-дипломата. Волевой, целеустремленный, эрудированный "автор и музыкант" получает назначение полномочным министром в Персию, что идёт вразрез с его собственными планами по основанию в Тифлисе "второй Ост-Индии", Закавказской торговой компании. Грибоедов Тынянова одинок в своих порывах, склонен к рефлексии (его внутренние диалоги занимают целые главы); он пытается найти компромисс, сочетая в себе честолюбивого чиновника и опального художника, вступает в сделку со своей совестью и с ужасом обнаруживает, что превращается в Молчалина. Нежелание мириться с ролью послушного винтика государственной машины выливается во внутренние разногласия образа, в конце концов, неизбежно приводящие Вазир-Мухтара к трагическому концу.

Для более глубокого понимания трагичности образа А.С. Грибоедова в романе Ю. Тынянова уместным будет задействовать понятие архетипа: образ Грибоедова близок вечному образу Фауста. Свидетельством непреходящей актуальности и глубокой символичности образа Фауста служит введение О. Шпенглером в философский обиход понятий "фаустовская душа" и "фаустовская культура". В узколитературном смысле архетип Фауста ассоциируется с германской культурой, в культурологическом (у Шпенглера) – с европейской. Тем более сближение образа Грибоедова с вечным фаустовским образом оправдано, что А.С. Грибоедов, реальное историческое лицо, будучи младшим современником И.В. Гёте, был знаком с его произведениями, знал трагедию "Фауст" наизусть, его перу принадлежит вольный перевод "Пролога в театре", а между "Горем от ума" и "Фаустом" прослеживаются интертекстуальные связи. Фаустианские мотивы перекочевали из комедии Грибоедова в его жизнь, он готовился к преобразовательской деятельности, составив "Проект учреждения Российской Закавказской компании". Грибоедовед С.А. Фомичёв упрекает Ю.Н. Тынянова в оценке "Проекта" лишь как плода непомерного честолюбия Грибоедова, в то

время как данный документ чрезвычайно важен для понимания его подлинной личности. "На "Проект" обычно смотрят как на трактат экономический, но в нем следует увидеть еще и поэму "высшего значения", вдохновенную "фаустовской" мечтой о жизни как о творчестве, как о созидании [6, с. 24]: "Я целый край создам обширный, новый, | И пусть миллионы здесь людей живут, | Всю жизнь в виду опасности суровой, | Надеясь лишь на свой свободный труд" [1, с. 269]. Эти строки из второй части "Фауста" в грибоедовские времена еще не были написаны, но Гете и Грибоедов были людьми одной эпохи, для которой в высшей степени была характерна вера в творческие силы человека, руководимого разумом" [6, с. 24]. Деятельный порыв, свойственный в равной степени и Грибоедову, и Фаусту, указывается Шпенглером как одна из типичных черт фаустовской души. Согласно Шпенглеру, тщетный порыв страждущей, жаждущей познания фаустовской души, направленный на достижение запредельного вечного мира, находит частичную реализацию в преобразовании окружающего. Фаустовское существование характеризуется одиночеством и, как следствие, деятельной рефлексивностью. Шпенглер поднимает толкование образа Фауста до уровня символа Европейской культуры, подчёркивая её особую роль в истории [7]. Таким образом, Грибоедов, будучи носителем архетипа Фауста, является проводником западной культуры в России.

Возвращаясь от реального Грибоедова к Грибоедову-персонажу, хотелось бы указать на явное сходство его с образом Фауста, опираясь на тексты трагедии "Фауст" и романа "Смерть Вазир-Мухтара". В первых, Фауста и Грибоедова роднит двойственность обоих образов, в каждом из них живёт одновременно и учёный/дипломат, и художник: "Ах, две души | живут в больной груди моей, | Друг другу чуждые – | и жаждут разделенья! | Из них одной мила земля – | И здесь ей любо, в этом мире, | Другой – небесные поля, | Где духи носятся в эфире" [1, с. 41]. Во-вторых, помолодевший с помощью ведьминоного зелья Фауст перекликается с Грибоедовым, который после окончания придворной церемонии передачи Туркамнчайского трактата "скинул тысячу лет" [5, с. 54]. Любовь полномочного министра к "кавказской девочке", шестнадцатилетней Нине похожа на любовь Фауста к четырнадцатилетней Маргарите; важен здесь и материальный аспект – Маргариту подкупает подарками Мефистофель, а мать Нины даёт согласие на её брак с Грибоедовым в надежде на жалованье Вазир-Мухтара. Молодой человек, влюблённый в Нину, – соперник Грибоедова, может расцениваться как такое же устранимое препятствие, как, скажем, Валентин для Фауста: Фауст убивает брата Маргариты, а воздыхателя Нины сажают в тюрьму на время празднования свадьбы. Маргарита убивает своего незаконно рожденного ребёнка, а ребёнок Нины гибнет при не менее трагических обстоятельствах. В качестве Мефистофеля в романе Ю.Н. Тынянова выступает то собирательный образ государства, где царь и министры фактически подталкивают Грибоедова-Фауста к гибели, то злокозненный доктор Макниль (в его образе наблюдается аллюзия на оперного Мефистофеля: "–А вот и я. <...> "Вот и тебя чёрт принёс", – подумал

он..." [5, с. 68]), то сам Грибоедов, затевающий споры с собственной совестью. Как и у Фауста, у Грибоедова имеется недалёкий друг – Булгарин-Вагнер, к умственным способностям которого он относится с пренебрежением. Празднование очередной боевой победы в Тифлисе глазами лихорадочного Грибоедова, парад, похожий на военные похороны – все эти действия напоминают сцену Вальпургиевой ночи из "Фауста"; захваченные у персов трофеи – словно товары из котомки ведьмы-ветошницы: "Здесь нету шпаги, кровью не облитой; | Здесь кубка нет, в котором не бывал | Когда-нибудь напиток ядовитый; | Убора нет, который не прельщал | Невинных дев, и каждый здесь кинжал | Противника изменой убивал" [1, с. 161]. И, разумеется, главное, в чём проявляется фаустовский архетип как основа образа Грибоедова, это трагическая гибель персонажа как результат его попытки пойти на компромисс с самим собой, предать забвению собственные принципы ради иллюзорной, утопи-

ческой идеи изменить мир в соответствии со своими представлениями.

Образ Грибоедова многогранен, он не сводится к калькированию одного-единственного вечного фаустовского образа. Его сравнение с архетипом – всего лишь один из способов прочтения романа Ю.Н. Тынянова, один из подходов к анализу созданного им сложного образа Вазир-Мухтара. Парадокс Фауста, согласно К. Юнгу, заключается в том, что его спасение начинается с его смертью, лишающей его прометеевской богоподобности, когда он достигает соглашения с самим собой [8]. Парадокс Грибоедова состоит в том, что, будучи полномочным дипломатическим представителем Российской империи, он, тем не менее, являлся носителем западной ментальности, фаустовской души, и резкое столкновение с Востоком несло для него неминуемую гибель, являющуюся в то же время его спасением от самого себя.

ЛИТЕРАТУРА

(REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED)

1. Гёте И.В. Фауст. Трагедия / пер. Н.А. Холодковский – Мн.: "Нар. асвета", 1971. – 288 с.
Goethe J.W. Faust. Tragediya. [Faust. The tragedy] / transl. by N.A. Kholodkovskiy – Minsk: "Nar. asveta", 1971. – 288 p.
2. Горький и советские писатели: Неизданная переписка / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Ред. тома И.С. Зильберштейн и Е.Б. Тагер // Литературное наследство, Т. 70 – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 736 с.
Gorkyi i sovetskiye pisateli: Neizdannaya perepiska [Gorkyi and the Soviet writers: The unpublished correspondence] / AN SSSR. Inst.-t mirovoj literatury im. A.M. Gorkogo; Red. toma I.S. Zilbershtein i E.B. Tager // Literaturnoje nasledstvo, T. 70 – Moskva: Izd.-vo AN SSSR, 1963. – 736 c.
3. Солженицын А.И. "Смерть Вазир-Мухтара" Юрия Тынянова: из литературной коллекции // Новый мир, 1997, № 4. – С. 191-199.
Solzhenitsyn A.I. "Smert' Vazir-Moukhtara" Yuriya Tynyanova: iz literaturnoj kolleksii ["The death of Vazir-Moukhtar" by Yuri Tynyanov: from the literary collection] // Novy mir, 1997, № 4. – pp. 191-199.
4. Тынянов Ю.Н. Автобиография // Сборник "Советские писатели" Автобиографии в 2-х томах, Т. 2 – Гос. изд-во худ. литературы, М., 1959. – С. 480.
Tynyanov Y.N. Avtobiografiya [Autobiography] // Sbornik "Sovetskie pisateli" Avtobiografii v 2-h tomah, T. 2 – Gos. izd.-vo худ. literatury, M., 1959. – С. 480.
5. Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара. – М.: Правда, 1988. – 464 с.
Tynyanov Y.N. Smert' Vazir-Moukhtara [The death of Vazir-Moukhtar]. – Moskva: Pravda, 1988. – 464 ps.
6. Фомичев С.А. Автор "Горя от ума" и читатели комедии // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции / Отв. ред. С.А. Фомичев. — Л.: Наука, 1977. — С. 5—27.
Fomichev S.A. Avtor "Goria ot ouma" i chitateli komedii [The author of "Woe from Wit" and the readers of the comedy] // A.S. Griboyedov. Tvorchestvo. Biografiya. Traditsii. / Отв. red. S.A. Fomichev. — Leningrad: Nauka, 1977. — pp. 5—27.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
Spengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 1. Geshtalt i dejstvitel'nost' [The Decline of the West. Sketches on the world history morphology] – Moskva: Mysl', 1993. – 663 p.
8. Юнг К.Г. Психологические типы. – СПб.: изд-во "Азбука", 1996. – 736 с.
Jung C.G. Psikhologicheskiye tipy [Psychological types] – Sankt-Peterburgh: izd.-vo "Azбуka", 1996. – 736 p.

Rogovskaya A.G., Realization of Faustian Archetype in the Character of A.S. Griboyedov in the Novel "The Death of Vazir-Moukhtar" by Yuri Tynyanov

Abstract. The article is an attempt of elicitation and interpreting the peculiarities of the Faustian mythologeme realization in the character of A.S. Griboyedov in the novel "The Death of Vazir-Moukhtar" by Yuri Tynyanov (1928). J.W. Goethe's tragedy "Faust" is a universal masterpiece containing the attempt of solving eternal problems of the limits of human's cognition, the interrelations between the man and the world, good and evil, life and death, crime and punishment. The tragedy has been topical for several centuries and its protagonist has become one of the most famous characters of the age of the Reformation, an eternal image (archetype) of the world culture. Faust is a contradictory ambivalent character, the symbol of human's persistent pursuit of the cognition. Faustian story initiated the tradition of the archetype exploitation – the "Russian Faustiana" in the Russian literature of the XX century. The character of Russian official A.S. Griboyedov is the bearer of Faustian archetype in the novel "The Death of Vazir-Moukhtar" by Yuri Tynyanov; moreover, there are reasons to suppose that the real once existing person Griboyedov, the character prototype, possessed the inherent qualities of the Faustian soul (O. Spengler's term). A.S. Griboyedov, being a younger Goethe's contemporary, was acquainted with his literary works, knew tragedy "Faust" by heart and even translated "The Prologue in the Theatre" from it loosely; there are intertextual connections between his "Woe from Wit" and "Faust". Solitude, inclination to reflection, disillusionment with his former ideals, active but utopian per se impulse aimed at milioration of people's life create an affinity between Vazir-Moukhtar and doctor Faust. Allusions to Goethe's tragedy can be seen in the text of Tynyanov's novel. The character of Griboyedov is versatile, it does not come to simple copying one and only eternal faustian image; his paradox consists in the fact that he, though being a Minister Plenipotentiary of the Russian Empire, was the bearer of the Western mentality, of the Faustian soul, and the abrupt collision with the East brought death to him, thus freeing and saving him from his other self.

Keywords: character, archetype, historical novel, intertext, Faustian soul.